

А мы с тобой крадёмся на чердак,
Я достаю карманный мой фонарик,
Скрипит ступенька,
пылью пахнет мрак,
И по стропилам пляшет
жёлтый шарик.

В бомбардировочные ночи Москвы
мне было пять лет. Нас, детей, отпра-
вляли ночевать в метро «Дзержинская»,
а сначала уводили в полуподвал к Ку-
зиным. Мы с другом моим Воликом от-
гибали, трепеща, уголок шторы. Взрос-
лые по очереди дежурили на крыше
нашего дома. А эти двое...

Ты в чём-то мне клянёшься горячо,
Мне всё равно — грешна ты
иль безгрешна.
Я глажу полудетское плечо,
Целую губы жадно и поспешно.
Я в Англию тебя не увезу,
Во Франции меня ты не оставишь.
Отбой тревоги. Снова мы внизу.
Всё тот же блюз опять слетает
с клавиш.

Хозяйка понимающе глядит.
Мы с коньяком заказываем кофе.
И вертится планета, и летит
К своей неотвратимой катастрофе.

Я запомнил фамилию автора —
Клиффорд — и голос этого служащего.
Позже я узнал, что служащий этот и есть
Виктор Петрович Астафьев. Он не по-
ходил на свою молодую фотографию.
Он не назвал себя писателем — служа-
щим он был; и свободен он был в сво-
ей службе людям, и начальство у него
было одно — люди в очередях, в мехмас-
терских, рыбаки на весеннем льду...

Может быть, это стихотворение дало
начало такой вещи Астафьева, как «Пас-
тух и пастушка». Хотя он сам говорил,
что первой точкой была «Манон Леско»
аббата Прево — книга, которую он про-
читал в ожидании поезда на каком-то
полустанке Горнозаводской линии.

Похоже, что он знал и другое стихо-
творение Клиффорда — «Дежурю ночью»:
По казарме, где койки поставлены
в ряд,
Я иду и гляжу на уснувших солдат,
На уставших и крепко уснувших
солдат.
Как они непохоже, по-разному спят.
Этот спит, усмехаясь чему-то во сне,
Этот спит, прижимаясь
к далёкой жене.

Этот спит, не закрыв
затуманенных глаз,
Будто спать-то он спит,
но и смотрит на вас...
А у этого сны, как подснежник,
чисты.

Он — ладонь под щекой —
так доверчиво спит,
Как другие не спят. Как спала
только ты.

Он, я думаю, первым и будет убит.
В этих строчках через повесть «Па-
дучая звезда» высоко ценимого Астафь-
евым Сергея Никитина, кажется мне,
росток романа «Прокляты и убиты».

Стихи Клиффорда я нашёл в сбор-
нике ленинградского фронтового поэта
Владимира Лифшица — поэму «Порядок
вещей» в 23 стихотворениях с биографи-
ческой справкой и прощанием. Может
быть, Астафьев так и не узнал, что это
стихи самого Лифшица. Во всяком слу-
чае, в 1995 году он пишет: «Решил трях-
нуть публику ещё раз и написал статей-
ку к стихам Джеймса Клиффорда».

В ВИНУ ЕМУ ВМЕНЯЛИСЬ «БЕСПАРТИЙНОСТЬ, СКЛОННОСТЬ... К ПРАВДОИСКАТЕЛЬСТВУ (!). И САМОЕ ОПАСНОЕ ТО, ЧТО ЭТО ВЫДАЁТСЯ ЗА ДОБРОДЕТЕЛЬ, ЗА СМЕЛОСТЬ, ЗА НОВАТОРСТВО»

Не из особого интереса ко мне, а ско-
рее по любознательности несколько раз
в комнате редакторов Пермского книж-
ного издательства он пристраивался к
столу Надежды Гашевой, с которой я лю-
бил в обеденное время делиться дико-
винными геологическими историями из
сводного тома реферативного журнала,
читавшегося в те молодые годы, как со-
брание сочинений Жюль Верна. Однаж-
ды он даже из коридора пришёл, когда
я рассказывал о том, что скважины на
быстрорастущих голоценовых рифах
Тихого океана вскрывали пласт Второй
мировой войны — с обломками самолё-
тов и кокосовых орехов. Я робел, терял
дар речи в его присутствии, а он слушал
и смотрел очень внимательно. Может
быть, ему нужны были какие-то геоло-
гические реалии. «Война на Тихом оке-
ане» — так назывались заметки на чет-

вёртой странице «Правды», которые я,
«пятилетка в четыре года», прочитывал
после сводок Совинформбюро. «Война
на Тихом океане» — я глянул на него —
он смеялся глазами.

Несколько раз я случайно встречался
с ним в книжном магазине на ул. Ленина.

— Что купил?

— «Алиса в стране чудес», перевод
Демуровой.

— У меня дети повзростали.

— Это книга скорее для взрослых:
«Жизнь становилась всё страньше и
страньше».

— Да я не успеваю читать то, что да-
рят.

В другой раз он почему-то показал
мне несколько своих фотографий: «Ка-
кая, по твоему мнению, лучше подой-
дёт для «Роман-газеты»?»

У него простецкое лицо — лицо че-
ловека толпы, серый пиджачок, зелёная
рубашка с белыми пуговицами. У него
только что вышли «Где-то гремит вой-
на» и «Кража».

У меня дыхание перехватило: он,
большой писатель, солдат, со мной,
мальчишкой, советуется!

Что ещё? В магазине «Мелодия»
на углу Сибирской и Ленина в отделе
«Классическая музыка» я несколько
раз видел его издали. Он красиво вы-
бирал пластинку, осторожно держа её
рёбра ладонями, не касаясь корявыми
пальцами, поворачивая, проверяя, что-
бы не было изгиба, искажающего звук.

После возвращения из Москвы, где
он учился на Высших литературных
курсах, Астафьев стал узнаваем. Пом-
ню, после поэтического вечера народ
на крыльце Горьковской библиотеки
окружил его, и поэт Радкевич с гордо-
стью сказал: «Витя, вот ты и вошёл в
колоду: Астафьев, Белов, Распутин. Те-
перь из колоды не выпадешь». Он имел